

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИДИОЛЕКСИКОНА НОСИТЕЛЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

Отражены предварительные результаты исследования идиолексикона носителя просторечия-2, сделанные при изучении конкретного индивида. Анализ проведён на материале записей устной спонтанной речи информанта. Рассмотрены основные классы нелитературных единиц, составляющие своеобразие лексикона просторечной языковой личности (собственно просторечная, диалектная, диалектно-просторечная, жаргонная, обценная лексика), а также особенности состава экспрессивных элементов словаря, употребления заимствованных и книжных слов.

Ключевые слова: городское просторечие; просторечие-2; обценная лексика; идиолексикон; языковая личность.

Городское просторечие (ГП) представляет собой «не закреплённую территориально устную речь горожан, не владеющих нормами литературного языка» [1. С. 349]. Данная языковая подсистема изучается в историческом (Л.И. Баранникова, В.И. Собинникова), системно-структурном (Л.А. Капаназе, В.Д. Девкин, Н.Н. Розанова, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, А.Ф. Журавлёв, О.П. Ермакова, Т.С. Морозова, В.Н. Шапошников), культурологическом (Н.А. Купина, И.В. Шалина), функционально-стилевом (В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина), социолингвистическом (Л.П. Крысин), региональном (Т.И. Ерофеева, Е.В. Ерофеева, В.В. Пирко, Н.А. Прокуровская, А.А. Юнаковская, Т.Б. Банкова) и других аспектах. В составе выделенных Л.П. Крысиным разновидностей ГП [2. С. 351] чаще исследуется обнаруживающее явную связь с диалектами просторечие-1, носителями которого являются пожилые люди, преимущественно женщины. Менее изучено в значительной степени жаргонизированное просторечие-2, носителями которого являются более молодые люди, преимущественно мужчины. Начат анализ ГП в лингвоперсонологическом плане: В.Д. Черняк создал первый речевой портрет носителя просторечия-1 [3]. Однако в целом языковая личность носителя просторечия, особенно просторечия-2 в ее современном бытовании, почти не описана.

В данной статье отражены предварительные результаты исследования идиолексикона носителя просторечия-2, сделанные в рамках изучения его языковой личности. Под языковой личностью понимается «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отражённая в созданных ею текстах» [4. С. 10].

Рассматриваемая языковая личность – Л.Л., мужчина 1959 г. рождения, русский, окончил 6 классов средней школы, прошёл обучение на курсах фотографов. В течение жизни сменил много специальностей: плотник, кабельщик-монтажник, тракторист, монтер, газосварщик, шофёр, фотограф, охранник. Не читает художественную литературу, не создаёт никаких письменных текстов, не пользуется компьютером. По социолингвистическим параметрам, выделенным Л.П. Крысиным (возраст, уровень образования, пол, занятия низкоквалифицированным трудом), информанта можно отнести к носителям просторечия-2 [2. С. 358].

Материалами для исследования послужили аудиозаписи спонтанной речи Л.Л., сделанные в 2002 г. и в период с 2010 по 2012 г., всего около 72 часов звучащей речи.

При изучении словарного запаса носителя просторечия-2 выявлены следующие особенности.

1. Идиолексикон информанта включает широкий пласт – более 350 просторечных единиц, наличие которых в речи является главным признаком языковой личности рассматриваемого типа: ...Они на него смиренную рубашку одели, слышь, завязали, клейкопластырем рот заклеили [смех] – в машину, б...дь, его! [смех]; Недаром мы с Яхой били всех в районе, б...дь. Токо психануть – это всё, ж-жоп, на х...й; «Вот ты, такой-сякой» – как он мне в глаз заехал, слышь!; Там так выходишь – и колидор: Я не лезу, слушай, ни к сыну, ни к дочке. Пускай сами; Может, с радива записывать – у него есть память [о диктофоне]; Скорей бы уж получку, что ли, дали за этот декабрь; Мне без разницы: Ты ж знаешь, что я в этом спец; Так что администрация – лишь бы отвязаться. Угостил, туда-сюда, отняли – всё! И едь отсюда, всё!; Сядем, возьмём пивка, водочки возьмём – так, чисто по-человечески; Л. [подруга]: На Золотой Ниве у меня двушка. – Л.Л.: Тогда какого хрена мозги парим квартиру искать?!; Нет, слышь, Виктор – тут внадую зашёл; Щас Насте говорю: «Ну чё, может быть, опять снохаешься [с бывшим мужем]?».

Очень распространено в речи информанта использование специфических для просторечия неполных форм личных имён: *Лёха; Настёна; Андрюха, Юрчик, Юрок, Яха, Нинок*.

В словаре информанта отмечено также значительное количество обценизмов – всего 86 единиц, среди которых лишь около 10% – скатологизмы, остальные единицы относятся к мату. Скатологизмы менее снижены, чем мат, информант нередко употребляет их в прямом значении. В то же время единицы мата в прямом значении, т.е. для обозначения понятий сексуальной сферы, употребляются Л.Л. лишь в единичных случаях: информант склонен заменять их эвфемизмами.

Несмотря на то что обценизмы входят в состав просторечия, использование их в речи не считается чертой исключительно просторечного дискурса [10. С. 61]. Вместе с тем отмечается, что, в отличие от носителей литературного языка, говорящие на ГП употребляют эти единицы более свободно, часто «не в качестве ругательств, вызванных пылом ссоры, а в качестве привычных “слов-паразитов”» [11. С. 13].

В речи Л.Л. отмечено подобное использование обценных частиц: *Мне чё-то, б...дь, с этим, б...дь, с наушником, на х...й, чё-то падает и звенит, б...дь*. В качестве слов-паразитов могут встречаться и другие

единицы мата, однако именно две из них, приведённые в цитате, имеют в речи рассматриваемого носителя ГП наивысшую частотность (на порядок больше, чем у остальных единиц).

Кроме obscene слов-паразитов, в словаре Л.Л. довольно много единиц мата, являющихся obscene заменителями слов и выражений с obscene значением: *У него денег до х...я* [«очень много»], на х... – пусай покупает, на х...; *Ни х... – патрон пока взяли, ё...нули* [«выстрелили, о мощном оружии»] – там как... как пулемёты, на х..., слышь?; *Как за...бись* [«очень хорошо»] – вот так вот встретились – я так хотел вас с Танькой увидеть!; *Да я щас, нах, звоню, слышь – за меня отзвонятся, нах, мне по х...й* [«совершенно безразлично»]!; *Разряженный, разряженный [аккумулятор]! [...]* Как он ещё держит – х... его знает [«не знаю, неизвестно»], на; *Я уже слушай – с-с-слышь, Юрк, я уже ему идею, бл...дь, предложил, это: где пружина, на х...й, вставыш, на х...й, вх...ярить* [«вставить, вмонтировать»] и поставить нашу пружину; *Ну, его вот это, insult ё...нул* [«ударил»], по ходу.

Ещё одну группу в идиолексиконе Л.Л. составляют obscene междометия, выражающие самые разнообразные эмоции: *Я. [сын]: Я не успею [сходить в магазин]! – Л.: Ай, бл...дь! [гнев, раздражение]; М.: У меня плотность в аккумуляторе один – девятнадцать, нах! (...) – Л.Л.: Один – девятнадцать – ни х...я себе [удивление] – это вообще-е!; Мощная тачка – ну как... ну как кран, слышь? Ну как она свои копыта выдвигает – ...баны в рот! [удивление, восхищение]; М.: Тридцать восемь градусов [на улице]! – Л.: Ни х...я себе [удивление]!; Сука [досада], Талиба подставляй неохота, с-сука.*

В качестве собственно бранных слов информант использует всего несколько obscene единиц (*Ты куда: ну денег не хватает – я тебе говорю – в долги позалазил с этим «Стрельцом» ...баным, бл...дь!; Да идёт он на х...й!*), предпочитая в большинстве случаев сниженные, но не obscene ругательства.

Широкое использование obscene лексики в речи исследуемой языковой личности обусловлено как спецификой просторечного типа речевой культуры, так и особенностями семейного воспитания: Л.Л., по его словам, начал усваивать данный пласт лексики с детских лет, заимствуя единицы мата из лексикона отца.

2. Примерно одну треть всех зафиксированных в речи Л.Л. просторечных единиц составляют диалектно-просторечные лексемы, которые функционируют не только в системе городского просторечия, но и в говорах сибирского региона: *Айда сюда, ребята!; Там такая байка, значит, была – щас я расскажу; А это, слышь, это, Надя, а дядя Вася Шевченко – ну, Томкин батя – живой, нет?; Ну, это время буду вкалывать вот; От такие, Галя, пироги; Л.: Слушай, ты потом пожрёшь – ты позвони; И вот я её [клиентку] посадил прямо на траву – ну, заднице там постелили – а платье так вокруг расстелили; Это ихние проблемы; Сама-то сим-карта у них это, вообще не сто'ит, а только сто'ит, что деньги, это, ты на неё сразу дожишись; Не надо ехидную морду делать!; Брось этот дурацкий цветок. Он здесь не нужен сто лет; А, пусай валит*

отсюда: А вы не вставайте, прям так; Она ж это, у свекровки находится.

В гораздо меньшей степени в лексиконе просторечника представлены собственно диалектные элементы. Всего отмечено 28 таких единиц: *Нет, на Геодезистов – как раз вот, с этого, с подземки выходишь – и налево так вота идёт, Геодезическая; Надо ворачиваться; Порнография голимая [о лёгких сигаретах]; Доньке я буду помогать; Киска ись, что ли, хочет?; Даже ты вот этот внутренний подклад возьмишь, сделаешь себе душегреечку, обошьёшь – и то будет, да – куда с добром!; Вон там перемёт – а здесь дорога есть, вишь?; А вот для дочки – если дочке там чё-то где-то не поживётся – дочке угол оставлю.*

Наличие в идиолексиконе носителя ГП значительного пласта диалектно-просторечных единиц объясняется генетической близостью ГП и территориальных диалектов [5. С. 94]. Однако доля собственно диалектных слов и выражений в идиолексиконе информанта незначительна, что типично для просторечия-2 [2. С. 357]. Кроме того, непосредственное наблюдение над речью жителей Новосибирска показывает, что многие диалектные единицы, выявленные в идиолексиконе Л.Л., также активно функционируют и в местном ГП. Это, например, такие единицы, как *бабка* «знахарка», *брательник*, *голимый*, *дак*, *исть*, *околок*, *свах* и некоторые другие. Таким образом, эти слова могли быть усвоены Л.Л. не столько в диалектном, сколько в просторечном окружении.

В целом необходимо отметить, что жизнь в условиях городской окраины мало способствует усвоению литературного языка выходцами из сельской местности. До приезда в Новосибирск Л.Л. долгое время жил в одном из райцентров Новосибирской области. Его круг общения в основном состоял из таких же носителей ГП, речь которых испытывает влияние диалектной среды. Перебравшись в большой город, информант остался на периферии городской жизни: несмотря на полученные в течение жизни профессиональные умения и навыки, он не смог составить конкуренцию городским специалистам из-за отсутствия должного профессионального образования. С переходом современной фотографии на цифровые технологии Л.Л. потерял конкурентоспособность и в этой сфере. Работая на низкоквалифицированной работе (охранником), он стал жителем городской окраины, где можно найти более дешёвое жильё и где его окружают такие же выходцы из райцентров и деревень либо городские маргиналы, по разным причинам (чаще всего – финансового характера) лишённые возможности жить в более комфортабельных условиях городского центра. Таким образом, языковое окружение Л.Л. после переезда в крупный областной центр изменилось лишь незначительно; соответственно сохранилось в его словаре и ядро территориально ограниченной лексики.

3. Наиболее заметной отличительной особенностью просторечия-2 является широкое употребление жаргонизмов. В составе словаря носителя ГП отмечено более 200 таких единиц. Подавляющее их большинство – более 80% – составляют единицы молодёжного, уголовного жаргонов и так называемой «жаргонизированной разговорной речи» [6].

Единиц молодёжного жаргона в идиолексиконе Л.Л. насчитывается около 100, причём половина из них является принадлежностью как молодёжного, так и уголовного жаргона¹: *Яха, Яха, Яха – ты давай, держись бодрячком! (мол.); Тоже обезбашенный (мол.) [сын], бл...дь – молодой, на х...й.; Как я ещё не влетел (мол.), бл...дь!; Ну, сейчас уже старый я стал – ну, как – пожилой, но молодых люблю девчат – слышь – заговорить с ними, поболтать, есть такое, да – по ушам проехать (мол.); Да нет – я не говорю, что он урод, туда – сюда, ну, по ходу (мол.), чё-то с ним случилось, наверно; Мы уже с ним кенты (мол., угол.), получается, понимаешь? Он как будто в лёгкую (мол.) с тобой разговаривает. Он уже напряжённости в лице нету [о работе фотографа с клиентом]; Чё, думаешь, я такой фраер (мол., угол.), как твой Терпила долбанный (мол.)?!; Мы не зависаем (мол.) с Яхой, мы работаем; Ёлки-палки... Да я-то точно крякну (мол.)! Раньше тебя, слышь?; Или в тамбуре меня ножом ударят опять – попадут бродяги, слушай – базара (угол., мол.) не поймут, или я их не пойму – ну, скорее всего, я их – я с ними базарить (угол., мол.) не буду, ну и всё...; Откуда у меня были балабашки [деньги] (угол., мол.)?!; Но вот а русская [мафия] по сравнению с «Козьей нострой» – они грят – самое лучшее, самое лучшее, если сразу замочат (угол., мол.); У меня кореша (угол., мол.), знаешь, нормальные; Ну прикалываются (угол., мол.) над людьми!; Может, пока будешь хавать (угол., мол.), поставить на подзарядку [телефон], а?*

Зафиксировано 10 единиц, относящихся только к уголовному жаргону: *Не базлай, иди сюда [кошке]; Понимаешь – такую дуру нагнала эта сволочь!; И вот знаешь – я ещё был под газом – я одной левой рукой взяла за ширину – шторы такие толстые – и рванул; А я бы с бичом стоял бы [около работника] – и таскал тики-так бы!; Кабель стёбнули где-то – сняли...*

Ещё одна группа жаргонизмов идиолексикона Л.Л. относится к «жаргонизированной разговорной речи» – это жаргонизмы по происхождению, имеющие, однако, по данным словарей, широкое распространение и за пределами жаргона. Этот пласт единиц не имеет однозначной соотносённости с какой-либо одной подсистемой языка. В разных словарях слова и выражения этой группы могут быть отнесены и к жаргону, и к просторечию, и к разговорной речи². Такая неопределённость, как и сам термин «жаргонизированная разговорная речь», по-видимому, отражает процесс активного проникновения жаргонизмов в просторечие и затем в разговорную литературную речь: *Ничё у тебя глюки (нарк., угол., мол.) пошли! Белка (жрр) пошла, да?; Мужичок закладывает (жрр, разг.), ну если уборка, вот, в этом году он сорок центнеров только пшеницы, чистой заработал, не считая отходов; Так, лялька, тебя хотели обуть (жрр, прост.), да? Аж на семь тысяч, да?; Домой пришёл, отрубился (жрр, прост.); Ну еси... еси не хватает – возьми две сим-карты – они полтинник (жрр, разг.) стоят!; Они тебе за час всё сделают – и дай ещё с собой бухнуть (мол., жрр) – они тебе чёрта перевернут!; Раньше, слушай, мужика сбивал с одного раза. Шас токо с двух раз вырубает (мол., прост.); Они – два колдуна, две чёрной магии борются – она стоит посерёдке. И, короче (мол.), то*

действует на него и это действует. Ну, короче, потом [свист] – крыша едет (мол., прост.).

Такое значительное включение уголовно-молодёжных и наличие собственно уголовных жаргонизмов в словаре Л.Л. можно объяснить двумя причинами: во-первых, в последние десятилетия отмечается активное проникновение уголовного жаргона в другие подсистемы русского языка, прежде всего в молодёжный жаргон, что объясняется особенностями их семантики – эмоциональной аффектацией и «подчёркнуто вульгарной и циничной образностью», благодаря которой эти единицы становятся «популярным, универсальным средством психологического воздействия на коммуникативного партнёра и средством речевого самовыражения» [7. С. 32]. С другой стороны, информант мог усвоить эти единицы непосредственно от носителей уголовного жаргона: среди родственников и знакомых Л.Л. есть люди с уголовным прошлым, что типично для жителя городских низов (принимая во внимание низкий уровень самоконтроля в просторечной среде).

Кроме перечисленных, в словаре информанта можно выделить ещё одну немногочисленную группу единиц профессионального жаргона: отмечено по нескольку единиц жаргона автомобилистов, фотографов, электриков, сантехников и охранников – т.е. тех сфер, с которыми в течение жизни была связана профессиональная деятельность Л.Л.:

Это нужно, бл...дь, или подъёмник, на х...й, или эту, воровайку – чё там – я не знаю, на х...й, чтоб там его обрезать, снять кабель; У тя «Жига», да?; Москвич, короче, у меня – уже после-едний – нет, предпоследний Москвич – движок стукнул; Я фотографии сделал – взял это самое, взял третий – ну, там в серёдке, и взял, главное, последнее – 6-го августа; Мне кажется, волоса – они должны быть немножко просветлённые – они немножко как забитые чуть-чуть – вишь?; Да конечно, она узковата – я бы хотел бы, если бы она была чуть пошире да чуть подлиннее, чтобы поставить софиты – поставить, от, контровик, например; От нас было трое: Витька Крыжановский – покойничек уже – я – кстати, Сах... этому, Сахарову это, отопление делали – отдельную вет... ветку вели – подачу – обратку; Даже... даже переменка – не постоянка, а переменка даже мягенько идёт, бл...дь; Да-а, о... этот... он этот, сотик поставил на будильник – время отзвона; Вот здесь я вешал охранку, но!

4. Идиолексикон исследуемой языковой личности обладает большой степенью экспрессивности.

Исследователями неоднократно отмечалось, что стремление к оценочности и непосредственному проявлению эмоций – характерная черта русской культуры в целом. На фоне высокой степени экспрессивности русской речи просторечие обладает ещё большей экспрессивностью [8. С. 9].

Л.Л. использует экспрессивные слова и выражения всех подсистем языка: не только собственно просторечные, но и литературные, жаргонные, а также несколько диалектных.

Большинство экспрессивных единиц идиолексикона рассматриваемой языковой личности относятся к семантическому полю «человек». В составе экспрессивной лексики информанта имеют место как единицы

экспрессивно-интенсивные: *Щас он – на этот чи'рик можно знаешь сколько разговаривать? За копейки [«очень дешево»]!; ...Она бу'ет знаешь какие бабки заколачивать [«зарабатывать в большом количестве»?]; ...такой смачный [«сильный, выразительный»] удар – ну, неожиданно – ну как, знаешь, когда ты дерёшься, ну; Она-то молодая, а мне-то жить-то осталось – тьфу! Насрать [«очень, крайне мало»], ну!; Придёт весна – мы её [стену] махом [«очень быстро»] разбомби-им [«сломаем до основания»], так и эмоционально-оценочные (с семей интенсивности и без неё): А он [сын] же тупой [пренебр., «очень глупый»]! В кого он пошёл?; ...А у нас так прихожая такая шика-арная [одобр., «прекрасная, превосходная»], слушай: кресло стоит, телеви-зор – ну, квартиру отстроил; Г. (знакомая): Лариса... подожди – как её [о телеведущей]? – Л.Л.: Тоже бывшая алка'шка [пренебр., «алкоголичка»]!; Н. [сестра]: Нет, чтобы пальто купить, родить ребё-ёнка! Это вот надо быть умной женщиной! – Л.Л.: Не, она... у ней вообще чё-то это. Вот Валька шустрая [одобр., «умная, сообразительная»], слушай, сестра её; Так, Оксаночка, присаживайся, солнышко! [«ласкательное обращение к женщине»]; Так она девчонка – молодец [одобр.]; Всё, Андрей, записал мой бред [пренебр., «бессмысленная, бессвязная речь»?]; Кто тебя просил вот это всё обкладывать [о ремонте стены] – дури'стикой [неодобр., о неразумных, ненужных действиях] заниматься?*

Общее количество экспрессивных единиц в словаре Л.Л. – около 500. Из них около 200 – собственно интенсивные, около 230 – эмоционально-оценочные и ещё около 60 имеют одновременно и экспрессивную, и эмоционально-оценочную семы.

Среди эмоционально-оценочных слов и выражений выделяется большая лексико-семантическая группа пейоративно окрашенных бранных обозначений человека: бармалей, буржуй, быдло, вредина, гоблин, гондон, дебил, дешёвка, дурила, жмот, идиот, цуда, козёл, корова, крыса, негодяй, пидор, придурок, проститутка, садист, сволочь, старая вешалка, сучка, тварь, урод, чмо, кочерга старая и др. Что касается мелиоративных характеристик человека, их список в словаре информанта намного скромнее: бедняжка, бедолага, джентльмен, дружище, золото, лапка, молодец, палочка-выручалочка и некоторые другие. Подобное разнообразие пейоративных характеристик лица типично для ГП и является следствием некоторых культурных особенностей, распространённых в среде его носителей: низкого уровня контроля над проявлениями эмоций и вообще низкой степени самоограничения и самоконтроля, отсутствия способности к подавлению аффектов, которые рассматриваются не как особенности темперамента, а как «социальное качество» [9. С. 74–75].

Исследователи экспрессивной лексики традиционно отмечают количественное преобладание пейоративно окрашенной лексики над мелиоративно окрашенной в русском языке в целом. В идиолексиконе Л.Л. прослеживается такое же соотношение: словарь пейоративно окрашенных лексических и фразеологических экспрессивов богаче (170 единиц), чем мелиоративно окрашенных (120 единиц).

Необходимо, однако, заметить, что обычно в ходе подобного анализа экспрессивной лексики и фразеологии того или иного лексикона не рассматриваются демиинутивные образования, поскольку они находятся на границе словообразования и словоизменения и поэтому редко фиксируются словарями. Между тем демиинутивы также, за незначительным исключением, несут эмоциональную оценку, поэтому могут быть привлечены к анализу экспрессивных единиц идиолексикона. Кроме того, злоупотребление демиинутивами считается одной из отличительных черт просторечия-2 [2. С. 359].

В словаре Л.Л. доля демиинутивов значительна – их более 230 единиц. Большинство из них имеют коннотацию ласкательности, которая может быть направлена как на собеседника, так и на объект высказывания: Л.Л.: Ты один [пакетик чая] бросил? – М. [товарищ по работе]: Да. – Л.Л.: Полбокальчика тогда; Как-нибудь знаешь, вот снег сойдёт, тепло станет, [...] к тебе уедем туда, слышь. Всё-всё-всё-всё! Шашлычка сделаем с тобой. Дочку возьмём – ты своих возьмёшь. [...] Сядем, возьмём пивка, водочки возьмём – так, чисто по-человечески; Ну, ладно, так, в объективчик. Воротничок поправь! М-м, ровненько сделай его; Она [бетономешалка] вот так ставится, слушай – и пока накидываешь – водички – ну, где-то – ну половину, не больше.

Таким образом, если анализировать соотношение пейоративно и мелиоративно окрашенных экспрессивных единиц в данном идиолексиконе с учётом эмоциональной оценки демиинутивов, можно сделать вывод, что мелиоративно окрашенные единицы всё же преобладают. Данную особенность можно объяснить личностными качествами Л.Л.: это человек в целом не склонный к конфликтам, расчётливый в своём поведении, старающийся извлечь какую-либо, пусть даже небольшую, выгоду из общения (обычно это возможное сотрудничество или помощь со стороны собеседника в будущем). По нашим наблюдениям, речевое поведение Л.Л. бывает обусловлено стремлением информанта понравиться собеседнику, вызвать его доверие к себе; отсюда – преобладание мелиоративов в его словаре.

5. В идиолексиконе носителя ГП отмечено искажение семантики заимствованной и книжной лексики. Эта особенность типична для ГП в целом: просторечники осваивают слова преимущественно по аудиальным каналам, зачастую не понимая контекста употребления незнакомых слов, поэтому значения книжных и заимствованных единиц воспринимаются как нечто нечёткое, неопределённое, а их звуковой облик часто воспроизводится неправильно: Ты там просто будешь этот, имитацию делать [«делать вид»], что ты вписываешь в тетрадь; Ты ж фантазируешь – и мне нужна эта фантастика [«воображение»], понимаешь?; Тут у меня ведь массовая работа [«обработка большого количества фотоплёнок одновременно»] идёт – ви'шь, плёнок сразу ско'ко?; Андрей-то та'ма. Но [...] если попросить племянников, чтобы они роль, это, детей сыграли [...]. Или он дома – его бытность [«быт, повседневная жизнь»], да?; То есть наши паспорт на СНГ распространяется [«является действительным»], да?; Ж. [знакомый]: Лёня, наверное, гипнотизирует людей. – Л.Л.: Не-е, при людях я не кон-

кретизирую [значение глагола непонятно информанту, он употребляет его в речи как обозначение какого-то не вполне хорошего действия]; Ну что, грит, ну «Козья ностра», слышь, там итальянская – на первый раз изобьют, но в живых оставят; Как Бисмерк говорил Гитлеру – не знаешь, да? – он грил, гыт: «Русские медленно запрягают, но быстро везут».

По замечанию В.Д. Черняк, заимствования обладают в сознании носителей ГП особой социальной престижностью – сам факт использования таких слов повышает языковую личность носителя ГП в собственных глазах [3. С. 508].

Необходимо, однако, отметить, что искажение семантики заимствований и книжной лексики в речи Л.Л. отмечается далеко не во всех случаях. Обладая хорошей памятью и несомненным языковым чутьём, информант употребляет многие заимствования и книжные слова в соответствии с нормами литературного языка.

Таким образом, идиолексикон носителя просторечия-2 характеризуется: 1) наличием большого пласта нелитературных единиц: собственно просторечных и диалектно-просторечных с вкраплениями собственно диалектных элементов, а также жаргонных (среди последних преобладают элементы молодёжного жаргона, с вкраплениями собственно уголовного и профессио-

нального жаргонов); 2) значительным количеством экспрессивных средств; 3) использованием табуированной лексики в качестве слов-паразитов и для выражения необщепринятых смыслов; 4) искажением семантики и формы заимствованной и книжной лексики. Эти черты можно выделить предположительно как типичные для идиолексикона носителя просторечия-2.

В связи с отсутствием сопоставительного материала пока трудно говорить о том, какие черты идиолексикона рассматриваемого информанта можно отнести к индивидуальным. Возможно, индивидуальной особенностью следует считать преобладание мелиоративно окрашенных экспрессивных средств над пейоративно окрашенными.

Выявленные особенности идиолексикона Л.Л. обусловлены прежде всего объективными факторами – уровнем и типом культуры социума, частью которого является говорящий, его полом, возрастом, образованием, профессией и т.п. Известно, что такие субъективные факторы, как интеллектуальная и духовная деятельность, направленная на повышение культурного уровня, способны ослабить действие объективных факторов. Однако говорящий на просторечии не отличается высоким культурным уровнем, поэтому влияние подобных субъективных факторов следует признать для типичного носителя ГП незначительным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В иллюстрациях жаргонные единицы данных подсистем даны соответственно с пометами *мол.* и *угол.*

² Квалификация данных единиц в словарных источниках отражена в примерах через пометы *жпрр* (жаргонизированная разговорная речь), *нарк.* (жаргон наркоманов), *прост.* (городское просторечие) и *разг.* (разговорный стиль литературного языка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 562 с.
2. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
3. Черняк В.Д. Речевой портрет носителя просторечия // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / РАН: Ин-т русск. яз. им. В.В. Виноградова. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 497–515.
4. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
5. Баранникова Л.И. Просторечие как особый компонент языка // Баранникова Л.И. Общее и русское языкознание: Избранные работы. М. : КомКнига, 2005. С. 92–105.
6. Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона: 25 000 слов, 7000 устойчивых сочетаний / С.-Петерб. гос. ун-т, Межкаф. слов. каб. им. Б.А. Ларина. СПб. : Норинт, 2000. 717 с.
7. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2000. 272 с.
8. Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: Проблемы изучения. М., 1984. С. 5–12.
9. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. «Я так хочу назвать кино». Наивное письмо: Опыт лингво-социологического чтения. М. : Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1998. 256 с.
10. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Ладомир, 2001. 349 с.
11. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Национальные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 25: Проблемы культуры речи. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1993. С. 9–19.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 июня 2013 г.